

МОТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ СО ЗРЕНИЕМ, В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛАВЯН: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Зрение является одной из важнейших способностей человека, которая в традиционных представлениях славян выступает в качестве знака принадлежности к этому миру, тогда как причастность к иному миру маркируется слепотой и невидимостью. Соответственно, этот свет обладает свойством «быть видимым», он называется рус. *белый свет*, болг. *бело видѣло*, а тот свет наделяется свойством «быть невидимым» и представляется как царство темноты и слепоты (а также неизвестности, так как «невидимое» является также и «неведомым»). Тема зрения присутствует как в похоронной и поминальной обрядности славян, так и в поверьях, запретах и предписаниях, а также фольклоре, связанном с покойниками — похоронных причитаниях, балладах, мифологических рассказах и пр. На актуальность оппозиций «видимого/невидимого» и в связи с этим «ведомого/неведомого» указывает в своей монографии О. А. Седакова: «Оппозиция видимого/невидимого очень важна для сферы смерти, невидимостью обладают душа, смерть... именно как невидимые и неведомые характеризуются и онный свет, и душа, и деды, и смерть» [Седакова 2004: 38]. В настоящей статье на общеславянском фольклорном, этнографическом и языковом материале будут рассмотрены мотивы, связанные со зрением, а также их роль и место в похоронной и поминальной обрядности славян. Статья написана в рамках этнолингвистического направления в широком понимании, когда в центре внимания исследователя оказывается «“план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.)» [Толстой 1995с: 39].

Мотивы, связанные со зрением, присутствуют в похоронном обряде и поминальных ритуалах, проявляясь в различных обрядовых кодах. На **вербальном** уровне данные мотивы встречаются во фра-

Мария Владимировна Ясинская,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 16-04-00101 «Образ человека в языке и культуре славян».

зоологии, связанной со смертью (витеб. *глядзецъ ў дуб, бел. поглядаць до дому* ‘находиться на грани жизни и смерти’ [Седакова 2004: 218], рус. диал. *песку на глаза положить* ‘похоронить’ [Толстая 2012: 60]), в обрядовой терминологии (полес. *промываць глаза покойнику* ‘стирать одежду покойника и полотно, на котором гроб опускали в могилу’ [Седакова 1983: 255], псков. *разметать глаза покойнику* ‘подметать на могиле’ [Лобкова 2000: 36]), в формулах проклятий, содержащих аллюзии на похоронный обряд (болг. «Да даде Господь единь часъ по-скоро да ти хвърля една рѣка земя на очить») (Пусть Господь Бог даст, чтобы я бросил тебе пригоршню земли на глаза) [Дабева 1934: 5]). На **акциональном** уровне тема зрения проявляется в ритуальных действиях (закрывании глаз покойника, смотрении в дежу или заглядывании в печную трубу после возвращения с похорон) и запретах (запрет смотреть на покойника во время беременности). На **предметном** уровне с мотивом зрения связаны: свеча, которая должна гореть при покойном, предметы, которыми закрывают глаза покойника (монеты, черепки и др.). На **признаковом** уровне тема зрения отражается в атрибутах: слепой/зрячий (представления о слепоте покойника), светлый/темный, черный/белый (цвет траурной одежды). С помощью семантических категорий «видимый/невидимый» маркируются границы этого и того света, эти границы строго не фиксированы: при определенных условиях видимые объекты могут становиться невидимыми и наоборот. Видимость/невидимость представляет собой границу между пространством жизни и пространством смерти. Всю совокупность представлений о зрении, растворенных в многоплановом тексте обряда, можно назвать «визуальным кодом» ритуала [Байбурин 1993: 204].

О. А. Седакова выделяет в похоронном обряде «три функциональные группы актов: 1. Обрядовые действия, направленные на разрыв границы жизнь/смерть. Цель их — помощь умершему в достижении *онного* (того. — М. Я.) *света*. 2. Обрядовые действия, направленные на восстановление, укрепление границы жизнь/смерть. Цель их — замкнуть смерть, оградить живых от ее нового вторжения. 3. Обрядовые действия, направленные на установление контакта через границу жизнь/смерть. Следствием этого контакта ожидаются плодородие и обилие, посылаемые из области Смерти, от “родителей”» [Седакова 2004: 79]. В каждой из перечисленных групп присутствуют действия, так или иначе связанные с глазами или зрением: например, к первой группе относятся освещение умершим пути на тот свет с помощью свечи, «промывание глаз» — обмывание тела умершего каждым вечером до похорон; ко второй группе — закрывание глаз покойного, к третьей — высматривание «дедов» на поминках.

Представления о зрении в похоронном обряде сопряжены с этим/тем светом, двумя мирами, которые соприкасаются в момент смерти;

задачей похоронного обряда является их разделение и восстановление границы между ними. Следовательно, мотив зрения в похоронном обряде и поминальных ритуалах имеет несколько аспектов, связанных с различными участниками обряда: с одной стороны, это покойник¹, с другой — живые. Обрядовые действия участников обряда главным образом направлены на покойника как на объект и адресат, с глазами которого производят определенные манипуляции (целью данных действий может быть как забота о посмертном благополучии покойника, так и забота о безопасности живых).

Глаза покойника как канал связи между тем и этим светом

Особая значимость представлений о зрении в контексте похоронного обряда обусловлена еще и тем, что, согласно верованиям, в глазах может локализоваться душа. Душа покидает тело с последней слезой: *дыхне два раза, слёзки выкоцять з очей* (полес. гом.) [Седакова 1983: 261], ср. обычай бросать в могилу «слезные платки» (сев.-рус.) [Седакова 2004: 62]. Двоедушником мог считаться тот, у кого два зрачка в глазах (у кого *два чоловічка* — закарпат. [Богатырев 1971: 272]). То есть душа иногда представляется именно как зрительная способность.

В традиционных представлениях достаточно много внимания уделяется тому, что происходит с глазами человека после смерти. Мотив зрения присутствует в эвфемистических номинациях смерти и умирания через утрату зрения: рус. *засмуриться* ‘умереть’, *на леву сторону глаза выворачивать*, полес. *очи в гору пошли*, рус. диал. *свет из глаз выкатился, глаза завешало, глаза попонкой завернуть/занавесить/задернуть, Бог глаза закрыл* [Кабакова 2012: 46], *умереть — только глаза запереть* [ФСРГП 2: 352]. В севернорусских причитаниях момент смерти описывается через утрату зрения: «Выкатилось зрѣнье и смотрѣнице / Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей!» [Олонецкий сборник 1886: 43]. О последней слезе, выкатившейся из глаза покойника, в Полесье говорят *зрение утекло* [Толстая 2009: 113]. Перед окончательной утратой земного зрения покойник должен проститься с белым светом: македонцы выносили умирающего на улицу, чтобы он простился с белым светом (*да се простат со белото видело*) [Ристески 1998: 248]. Согласно традиционным представлениям, зрение — последнее чувство, которое человек теряет, переходя в мир иной. В Полесье верили, что смерть приходит к умирающему в виде женщины, она постепенно разворачивает черное полотно, закрывая человеку лицо — сначала рот,

¹ При этом следует различать покойника как объект, с которым производятся действия в рамках похоронного обряда, и покойника как субъекта, персонажа мифологических рассказов и поверий.

затем нос, наконец, глаза, после чего человек умирает [Левкиевская 2004: 124]. По различным поверьям русских, покойник перестает видеть или в сам момент смерти, или когда во время похорон родные бросают землю в могилу [Новичкова 1995: 539], или же через определенное время после смерти — на 3-й, 9-й, 40-й день. Слепота мертвых у балканских славян объясняется поверьем, что змея (паук) выедает или высасывает им глаза в могиле [Галанова 2011: 286].

Важную роль играют действия, совершаемые с глазами умершего в ходе похоронного обряда. Это объясняется тем, что глаза покойника воспринимаются как один из каналов, по которому смерть проникает в мир живых, и этот канал необходимо закрыть, чтобы защитить все живое от ее вредоносного действия. Во время пребывания покойника в доме вплоть до погребения родные пристально следят за тем, чтобы глаза умершего были закрыты. Чтобы глаза покойного случайно не открылись, в различных славянских традициях известен обычай класть на них монеты (на один глаз вверх орлом, на другой — решкой, пол.), черепки (хорв.), белый платок (словен.), осиновые листья (полес. гомел.) [Агапкина, Плотникова 1999: 57; Толстая 2009: 113]. Во многих сербских областях умершего накрывали полотном сразу, как только закрывали ему глаза; нередко это делали с наступлением ночи [Плотникова 2009: 526]. Обычай накрывания глаз умершего полотном был зафиксирован и у русских Нижней Печоры (Республика Коми): *«на глаза полотно надеть — выкраивают полотно, чтобы только голову накрыть, потом кладут на лицо, все попрошшаются, уже на кладбище, тогда кладут на лицо. Это на глаза полотно надевают. Потом крышку кладут и опускают в землю»* [ФСРГП 2: 293]. В Гомельском Полесье, если у покойника открыты глаза, *цягнуць за пальцы, штоб заслупилиса вочи* [Седакова 2004: 156]. Македонцы остерегались смотреть в лицо и глаза покойнику, а также называть его имя [Ристески 1998: 244]. Поляки в Люблинском воеводстве опасались брать для изготовления гроба древесину с сучками, потому что потом через дырку от сучка покойник может «выглянуть» в мир и забрать с собой кого-либо из родственников [Fischer 1921: 122].

Особенно опасными считались незакрытые глаза покойника в том случае, когда у него подозревали наличие двух душ: на украинских Карпатах такого покойника хоронили, набив ему рот и глаза боярышником [Агапкина, Усачева 1995: 243]. Согласно представлениям болгар, открытые глаза покойника являются признаком того, что умерший станет после смерти вампиром [Левкиевская 1995: 284]. В Лесковацкой Мораве чтобы покойник не стал вампиром, ему лили воду от только что сваренной кутьи и горячее вино в глаза, уши и рот [Толстой 1995а: 373]. В Болгарии в таких случаях засыпали рот, уши, глаза песком [Толстая 2009: 114]. У поляков покойнику, в котором подозревали

вампира, при похоронах завязывали платком глаза, чтобы лишить его возможности вредить живым после смерти. Как символическое закрытие глаз покойного может трактоваться и обычай выпивать за упокой его души: у чехов, среди других формул-приглашений на поминки, отмечено выражение с буквальным смыслом «приходите залить глаза покойному» — *zalít mi oči* [Толстая 2009а: 165].

Закрывание глаз, равно как и закрывание других отверстий на теле умершего (ушей, рта) или за его пределами (дверей в доме, ворот на кладбище и пр.) в ходе похоронного обряда должно было препятствовать возвращению покинувшей тело души обратно, в результате чего покойник мог бы превратиться в опасного демона.

Для живых открытые глаза покойника выступают как дурная примета — предвестие еще одной смерти в доме или по соседству, так как умерший «высматривает» следующего покойника. Встречаются и более дифференцированные приметы, связанные с незакрытыми глазами покойника: если у покойника, хозяина дома, приоткрыт правый глаз или правая нога кажется длиннее левой — умрет еще кто-либо из домашних, в противном случае (приоткрыт левый глаз и левая нога длиннее) умрет кто-либо из села (Босанская Краина) [Толстой 1995b: 385]. Согласно русскому поверью, если незакрытые глаза покойника обращены к входной двери, то в доме будет еще один умерший [Виноградова, Толстая 1999: 29]. Чехи полагали, что если у покойника остается открытым правый глаз, то следующим в доме умрет кто-то из мужчин, если левый — то умрет женщина [Толстая 2004: 557]. У балканских славян незакрытые глаза умершего могут свидетельствовать о том, что он отошел в мир иной с неисполненными желаниями (болг., серб.) [Галанова 2011: 289]. Несоблюдение некоторых запретов и предписаний грозило человеку тем, что после смерти у него будут открыты глаза (это расценивалось как злая посмертная участь): после выпечки хлеба в печь бросали несколько поленьев, иначе у человека, оставившего печь пустой, после смерти будут открыты рот и глаза [Плотникова 2009а: 146]. В Орловской губ. не разрешалось перед трапезой класть ложку «вверх лицом», иначе умрешь с раскрытым ртом и глазами [Топорков 1991: 196]. Характерным в этом смысле представляется болгарское проклятие: *Да те видя облъщень (умрълъ съ несклопени очи)* (Чтобы я тебя увидел с выпученными глазами после смерти (чтобы ты умер с незакрытыми глазами)) [Дабева 1934: 9]. Открытые глаза покойника представлялись каналом, по которому можно было «связаться» с умершим. Если кто-то был виноват перед покойником, для того, чтобы вступить с ним в контакт и попросить прощения, нужно было открыть глаза умершего: «В случае невольного убийства... в Орловской губернии виноватый кланялся покойнику, открывал ему глаза, просил простить, затем закрывал их и мялся с мертвым крестами» [Новичкова 1995: 381].

Посмертная участь глаз покойника

В верованиях южных славян значительное место уделяется тому, что происходит с глазами умершего в могиле. По некоторым поверьям, глаза мертвеца лопаются в могиле на 40-й день (болг. *се пукват очите*). Сербы полагают, что глаза покойника в могиле выпивает змея на 3-й день после погребения [Гура 1997: 286–287]. После того, как глаза покойного супруга будут выпиты, допускается вступать в повторный брак [Галанова 2011: 286]. В болгарских и македонских балладах умершая девушка жалуется, что змея свивает гнездо в ее волосах, пожирает ее лицо и высасывает глаза, причиняя ей мучения [Беновска-Събкова 1992: 19]. На юге Болгарии существует поверье о могильном уже (*гробна змия*), который обитает под землей и питается глазами мертвецов. Сербы Алексинацкого Поморавья верят, что глаза мертвым выедает паук, поэтому пауков необходимо убивать [Гура 2004: 646]. Мотив поедания глаз змеями нашел отражение и в южнославянских проклятиях: болг. *Ега му змии очи изпиятъ!* (Пусть змеи выпьют ему глаза!) [Дабева 1934: 13], серб. *Змија га у очи запунула!* (Чтоб ему змея в глаза дунула!), *Змија му очи испила!* (Змея бы ему глаза выпила!) [Марковић 2000: 44]. Такие проклятия можно трактовать как пожелание адресату проклятия злой посмертной участи — в том числе, посмертной слепоты и темноты.

Слепота покойника

С одной стороны, ряд поверий, связанных с покойниками, позволяет сделать заключение об их *слепоте*. Белорусы верили, что «мертвые с того света не видят и не слышат» [Federowski 1897: 219]. Слепота мертвых отражается в номинации покойника, например, рус. диал. *жмурик, жмурчок* — ср. рус. простореч. *зажмуриться* ‘умереть’ [Успенский 1982: 152]. «До суда нет муки, но все (умершие) слепы» [Завойко 1917: 89]. Слепота покойника может выступать в текстах заговоров как неоспоримый факт, своего рода аксиома: «В доме как умрет человек, так чтобы гроб сделать, его измеряют палкой какой-нибудь. Так эту палку потом тихонько подобрать, омерить свой огород и сказать: “Как покойник не видит, так и вор не увидит”. И вор, если зайдет во двор, не сможет оттуда выйти, только хозяин сможет его вывести» (архангел. обл., ленск. р-н) [Аникин 1998: 371]. Глаза (и подразумеваемая слепота) покойника могут использоваться и во вредоносной магии: в Болгарии ведьма печет специальный калач, соблюдая особые ритуалы при его изготовлении. Этот хлеб она кладет на одну ночь на глаза покойника, а затем смотрит через него на своего врага и говорит: «Сколько знает мертвец, столько знает и тот, на кого смот-

рю» [Беновска-Събкова 1997: 140]. Если через такой калач посмотреть на судей, то они онемеют и не смогут вынести приговор. Предметы, участвовавшие в похоронном обряде (так называемые покойницкие предметы, см. [Плотникова 2009b]), использовались в магии с целью обездвигнуть противника, лишить его голоса и органов чувств, чтобы он не мог ни видеть, ни слышать, ни говорить, ни действовать. Слепота покойника символически обозначала отсутствие знания, неосведомленность, беспомощность, которые необходимо было сообщить объекту магического воздействия. Ср. русский диалектный фразеологизм *словно на глаза полотно надеть*, который означает ‘не замечать очевидного’ («надевание на глаза полотна» — возможно, здесь имеет место аллюзия на закрывание лица покойника полотном в ходе похоронного обряда): «Он словно на глаза полотно надел, ничё чисто не видит, как его жёнка-то с другими мужиками шляется»; ‘вводить в заблуждение’: «Ты мне на глаза полотно не надевай, не ври тут. На глаза полотно надеват, врёт опеть» [ФСРГП 2: 293].

Забота о посмертном зрении покойника

С другой стороны, в обрядах и верованиях славян большое внимание уделяется посмертному зрению, о чем подробно писал в своей статье Н. И. Толстой [Толстой 1995]. С утратой человеческого земного зрения покойник приобретал более совершенное, потустороннее. В представлениях всех славян в том или ином виде присутствует мотив освещения пути на тот свет. Согласно некоторым украинским поверьям, навстречу душе умирающего с неба падает звезда, чтобы осветить ей путь в загробный мир. Сербь при виде падающей звезды говорили, что «кому-то идет свеча на могилу» [Плотникова 1999: 291–292]. Сами души умерших нередко представлялись в виде блуждающих огоньков [Виноградова 2011].

Позаботиться о свете для покойника должны были его родственники, этой цели был посвящен целый ряд обрядовых действий. Прежде всего, это распространенный у всех славян обычай зажигать свечу при покойнике. Как правило, свечу давали в руки умирающему: место, где пребывают души после смерти, «точно не определено, но дорога до него темна, и потому умирающему дают в руки свечу, чтобы он мог ею осветить себе дорогу» [Потушняк 1938; Толстая 2000: 89]. Поляки Спиша использовали для этих целей «громницу» — свечу, освященную на Громничную Божью Матерь (*Matka Boska Gromniczna* — 2 февраля), на юге Подлясья зажигание громницы при покойном мотивировалось тем, что нужно *rozświecić drogę do Pana Jezusa* (осветить дорогу к Господу Иисусу) [экспедиционные материалы автора]. У гуцулов в Закарпатье известен обряд *світныны*, согласно которому «в доме, от-

куда вынесли тело покойника, три дня должна гореть свеча» [Толстой 1995: 189]. Русские верят, что покойники видят свет, когда их родные ставят за них свечу в церкви или вынимают за них просфору на богослужении [Левкиевская 2009: 566]. Македонцы обычай зажигать свечу при покойнике мотивировали так: «да оде со видело на Бога, дури умира да му свете, да му го осветлат патот» (Чтобы он/она со светом шли к Богу, умирали чтоб со светом, чтобы им путь освещался) [Ристески 1998: 248]. Сербский этнолог С. Зечевич отмечал бытующее на северо-востоке Сербии поверье, что если не зажечь свечу при умирающем, он на том свете будет пребывать в вечной темноте, хотя будет все слышать, но не сможет видеть. Если обычай не был соблюден, то старались «послать» покойнику смертную свечу позже, при этом три человека или семь человек соблюдали особый длительный и строгий пост, чтобы покойника «вывести на свет» (*извести на светлост*)» [Зечевич 1978: 385]. У сербов существовали специальные обряды, связанные с передачей смертной свечи покойнику, называвшиеся *привег*, *црни пост*, *рајска свећа*, *бела помана* [Зечевич 1982: 84–85]. В Полесье верили, что душа, разлучившись с телом, всю ночь сидит возле изголовья умершего, для нее должна гореть свеча: «Никто нэ бачить, як душа выходыть. Зажигають свичку, целую нич горыть в голове, так як душа в головах сидыть, чтобы ей свитло було» [ПА, Речица Ратнов. р-на Волын. обл.]. Согласно некоторым представлениям, душа пребывает в доме в течение 12 дней после смерти, поэтому все это время нужно держать свет зажженным: «Свит треба свитить. Так кажуть, треба, бо душа ходить. Даже ше й 12 дней треба щоб не тухло, горило» [ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл.]. У южных славян свеча должна была гореть 40 дней, ее ставили на то место, где лежал и умер больной, так как именно там, согласно верованиям, обитала в течение этого времени душа умершего [Vukanović 1986: 315, 323]. В Полесье свечу зажигали также и во время поминальной трапезы. Там же рассказывали о том, как видели ночью целую процессию покойников, направлявшихся на *деды* (поминальные дни) с кладбища к своему селу с зажженными свечками [Толстая 2005: 85]. У сербов юго-восточной Сербии (Хомолье) в поминальные дни (задушницы) специальная свеча зажигалась в доме или пускалась на дощечке по воде. В родительскую субботу женщины ставили поминальную пищу на маленький круглый столик (софрицу), зажигали свечу и подносили это кому-либо из мужчин, кого любил покойник. При этом женщина говорила: «Да се види пред нашего Мијајла!» (Пусть будет видно нашему Михаилу (покойнику)). Ответом было: «Бог да го прости!» (Бог да простит его!) [Толстой 1995: 191–192]. Хомольцы верили, что задушная свеча горит и светит на том свете от одной задушницы до другой, если нарушить обычай и не зажечь свечу — покойник будет

пребывать в темноте. Хомольцы также пускали свечу по воде в Великий четверг; эта свеча предназначалась покойным и небесным светилам. При этом они произносили: «Да се види на оное свету мом Јовану, Лазару...» (Пусть будет видно на том свете моему Ивану, Лазарю...) и перечисляли имена покойников, а затем небесных светил [Милосављевић 1913: 41–42]. Русские крестьяне полагали, что свеча, горевшая при покойнике, приобретала свойства магического предмета: например, если подержать на этой свече лопату, прежде чем начать копать, можно выкопать заклятый клад [Новичкова 1995: 236].

Другой формой обеспечения покойников светом можно считать обычай разжигания костров, приуроченный к дням поминовения усопших и календарным праздникам, когда, по представлениям славян, покойники временно пребывают на земле [Толстая 2000а: 18]. Как правило, он мотивировался необходимостью «греть» покойников, но также мог связываться и с «освещением» для них дороги с того света. Например, на северо-востоке Болгарии его объясняли тем, что при выходе из могил предки нуждаются в свете [Капанци 1985: 221]. Сербы Заечара и румыны на северо-востоке Сербии с помощью костров компенсировали недостаток света покойникам, умершим «без свечи» [Зечевић 1967: 77]. Украинцы Закарпатья зажигали костры на кладбищах в Страстную субботу, так как верили, что свет необходим душам умерших, которые в это время выходят из могил и посещают церковную службу [Богатырев 1971: 236].

Еще одним способом позаботиться о зрении умерших на том свете можно считать обычай мести могилы, чтобы «прочистить глаза» покойникам. В качестве одного из первых свидетельств об этом обычае у русских Н. И. Толстой в своей статье приводит сообщение А. С. Пушкина: «Есть в некоторых местах обычай троюцкими цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза» [Толстой 1995: 189]. Этот обычай был связан с представлением, что в поминальные дни мертвые возвращаются на землю, навещают родных, видят и слышат все, что у них происходит. Согласно верованиям белорусов, «ў ночы між Ўсіх Сьвятых а Задушным днём душы змарлыя з неба, з пекла, з атхлані і з чысьца прыходзяць да дому, агледаюць свае дзеткі, жывіну, гаспадарку, але іх ніхто ні бачыць, а ены ўсіх і ўсенько бачаць і з добрага пацешацьсе, над ліхім паплачуць. Перад самым сьветам ідуць да касьцёла і ім іх ксьдз мшу правіць, а пот мшы ідуць ўсе на сваё месца. А каторыя душы жывуць у пеклі, то ім туолькі можна праз окна да хаты і касьцёла паглядаць» [Federowski 1897: 221, №1045]. На Псковщине родные шли на кладбище, веником или веткой проводили по могиле снизу вверх, как бы открывая умершим глаза, а уходя с кладбища — мели сверху вниз, закрывая им глаза. Этот обычай назывался *разметать глаза покойникам* [Лобкова 2000: 36]. Он был

распространен в Витебской, Смоленской, Новгородской, Псковской губерниях [Агапкина 2002: 307]. По свидетельству Л. Ристеского, архаичный обычай перекапывания могил и вторичного погребения в некоторых районах Македонии в числе других мотиваций (например, погреть кости на солнце), мог также мотивироваться тем, чтобы покойник «посмотрел на белый свет» (*виде бело видело*) [Ристески 1998: 249]. Если при захоронении находят кости ранее погребенного, македонцы с. Теово их собирают, моют и заворачивают в белое полотно, чтобы они «снова увидели белый свет» (*пофторно да видаат коските бело видело*) и снова закапывают [Плотникова 2006: 217].

Как «промывание глаз» покойника трактовался и обычай на третий день после похорон мыть на дворе одежду покойника и полотно, на котором гроб опускали в могилу, зафиксированный в восточном Полесье: «на 3 день мертвому *очи промывают* — стирают его вещи, постель, холст, на котором опускали гроб в могилу: чтобы *душе было легче, чтоб усе через воду прошло*» [Седакова 1983: 255].

С заботой о зрении покойников Н.И. Толстой связывает и обычай носить траурную одежду белого цвета, особенно это касалось траура по ребенку. Так, у сербов в р-не Враня зафиксировано поверье, что после смерти ребенка в возрасте до одного года его мать не должна носить черного платка и черной одежды, а должна повязывать голову только белым платком, чтобы «ребенок видел на том свете и чтобы у него не было темно в глазах» [Николић-Стојанчевић 1974: 458]. После смерти первого ребенка мать должна надеть белый платок, чтобы дети продолжали рождаться и были здоровы, а умершему «да му се види бело на онај свет» (чтобы был виден белый свет на том свете) [Там же: 304–305]. Н. И. Толстой сравнивает представления, распространенные в Сербии, с записанным на Русском Севере (в Череповецком р-не Вологодской обл.) обычаем «обряжать покойника во все светлое, чтобы жизнь светлая была, а темное покроешь, так темной и будет» [Толстой 1995: 193]. Сербы из с. Свинице в Румынии верили, что от черного траура «покойник ништа не види на другоме свету» (покойник ничего не видит на том свете) [Зечевић 1971: 92]. Прекращение траура в с. Свинице ознаменовано исполнением особого «танца для мертвых» (*коло за мртве*), танцующие должны были во время танца наступать на платок с деньгами. Если бы они не наступали на платок, то они, «танцуя, всегда топтали бы глаза покойника» (*покойник би се газио по очима*) [Там же: 93]. Сербские женщины на Косовом поле (с. Лешак) не носили траур по своим детям, чтобы им на том свете «не била тама, тмуша и не би видело ништа» (не было тьмы, мрака и ничего не было невидно) [Vukanović 1986: 316].

Необходимость света для покойников (и, следовательно, наличие у них зрения) иллюстрирует и обычай, известный на Русском Севере,

в Карпатах и Польше, делать гроб с прорезанными или нарисованными «окошками». Это были отверстия, расположенные на уровне плеч покойника, иногда в них вставляли оконное стекло. Гуцулы в детском гробе в головах вырезали с правой стороны одно окошко, во взрослом — два. Окошко, иногда прикрытое доской, имелось и в гробах-колодах. Это делалось для того, чтобы покойник видел живых (сев.-рус.), чтобы душа видела свое тело (укр.), чтобы умерший мог видеть других покойников и общаться с ними (пол.); чтобы умерший мог выглядывать (смотреть) из своей «хаты» (гуцул.). В Польше окошки делали в гробах, которые стояли в костелах, чтобы родные видели своих умерших сородичей [Афанасьева, Плотникова 1995: 554]. С этим обычаем соотносится практика изготовления антропоморфных надгробий с изображением глаз или глаз, превращающихся в листья растений [Толстой 1995: 195–205].

Свет мыслился одной из самых насущных потребностей покойника в загробном мире. Об этом свидетельствует и болгарское проклятие *Да му се не види!* (Чтобы ему не виделось!), в котором проклинаемому желается, чтобы он ничего не видел на том свете (оно входило в ряд других проклятий на тему злой доли на том свете) [Толстой 1995: 205]. При этом существовало опасение, что мертвый мог остаться слепым (или же в темноте) на том свете, и на этот факт могли повлиять именно живые. Действия, направленные на обеспечение покойников зрением, входили в ряд других обрядовых действий, призванных гарантировать покойникам благополучное пребывание на том свете: «угощение» покойников, обычай «греть» покойников и др.

Разновидностью заботы о зрении предков можно считать соблюдение запретов на определенные виды работы в дни поминовения усопших. Считалось, что в это время мертвые пребывают на земле, и живые должны позаботиться об их безопасности. Запреты мотивировались опасением засорить глаза предкам или другим мифологическим персонажам, связанным с умершими предками (Пятнице, русалкам). Запреты строятся на следующем принципе: в первой (запрещающей) части звучит запрет на определенное действие, а в части мотивировки это действие выступает уже в метафорическом значении 'лишить возможности видеть': например, «не пряди, чтобы не запрядь глаза предкам».

Регламентация «зрительного» поведения человека в обряде

В похоронном обряде и поминальной обрядности уделяется особое внимание также «зрительному» поведению человека. Здесь можно выделить три аспекта, связанных со зрением.

Во-первых, это зрительные запреты. Запрещалось смотреть на покойника определенным категориям людей, например беременным, для них опасен даже взгляд на похоронную процессию. Взгляд участников похоронной процессии мог быть опасен — если кто-либо из них оборачивался, его взгляд в этот момент мог причинить вред. Поляки в Мазовии верили, что если оглядываются участники похоронной процессии, это может привести к негативным последствиям, спровоцировать еще одну смерть [Barthel de Weydenthal 1922: 7]. Это верование соотносится с представлениями о том, что покойник способен «высмотреть», увести с собой на тот свет кого-то из окружающих. Опасность, исходящая от покойника, также распространяется и на участников обряда, которые, вступая в обрядовый контакт с покойником, как бы пребывают в пограничном пространстве между этим и тем светом, куда они провожают умершего. Запреты касались также смотрения в зеркало: у многих славян был распространен обычай завешивать зеркала в доме умершего сразу после смерти (другое толкование данного обычая — чтобы не отразился покойник, чтобы ситуация смерти не повторилась). Опасным считался взгляд в окно на похоронную процессию. На Прусском Мазовше верили, что кто смотрит через окно на покойника, может заболеть желтухой, в окрестностях Мальборга полагали, что от этого выпадают зубы. Буковинские евреи не заглядывали в окно дома, где лежит умерший, иначе можно было услышать его плач и умереть самому. В Чехии считалось, что, пока тело находится в доме, нельзя выглядывать в окно ночью, иначе умрешь, потому что в этот момент покойник обходит хозяйство [Fischer 1921: 321].

Во-вторых, взгляд и смотрение в похоронном обряде могли выполнять также апотропеическую функцию: например, в Пермском крае, вернувшись с кладбища после похорон отца, дочь осматривала дом, двор и все хозяйственные постройки со словами: «Нету папы? Ну, если нету тебя, то к нам больше не ходи» [Усольские древности 2004: 152]. При выносе покойника все брали хлеб и глядели в окно — чтобы хлеб был (карпат.) [Богатырев 1971: 268]. С помощью взгляда можно было избавиться от тоски по покойнику: чтобы забыть умершего, родные глядят в печь, в подполье, на копыта коня [Седакова 2004: 45]. В Житомирском Полесье полагали, что нужно было заглянуть в дежу и сразу же закрыть ее крышкой, таким образом символически заперев в ней свой взгляд: «Як выносять мэрця з хаты, открываў дэжку, шоб забываў скорэй, шоб нэ стаяў ў очях... хто-ныбудь открываў да подывыцься...» [Агапкина 2012: 77].

В-третьих, живые могли установить визуальный контакт с иным миром (подробнее см. [Ясинская 2011]). В Полесье верили, что в поминальные дни можно было увидеть, как покойники посещают дома своих родных. Чтобы увидеть покойников, следовало соблюдать пост

в течение некоторого времени; сидеть на печи и смотреть сквозь зубья бороны и т. д. Нерегламентированный контакт с покойниками считался опасным.

«Зрительное» поведение человека в похоронном обряде прежде всего связывается со второй и третьей функциональными группами актов (по терминологии О. А. Седаковой): с действиями, направленными на восстановление границы (зрительные запреты и предписания) и на установление контакта через границу (регламентированный визуальный контакт с покойниками в поминальные дни). Первая функциональная группа актов (обрядовые действия, направленные на разрыв границы жизнь/смерть, цель которых помочь покойнику достичь того света) включает в себя ритуалы, адресованные покойнику: это «освещение» дороги на тот свет и обеспечение умершего потусторонним «зрением».

Таким образом, мотив зрения в похоронно-поминальном ритуальном комплексе имеет сложную структуру, он выражается в виде семантических оппозиций «видимый/невидимый» («ведомый/неведомый»), «зрение/слепота», «свет/тьма», которые непосредственно связаны с категориями «живой/мертвый», «хороший/плохой» и др. Тема «зрения/слепоты», «визуальный код», реализуется в обряде в различных формах: вербальной, акциональной, предметной, атрибутивной. При этом ритуальные действия, связанные со зрением, могут иметь своим адресатом как покойника (различные действия, призванные обеспечить покойнику зрение на том свете), так и живых участников обряда (действия, позволяющие избавиться от тоски по умершему, «зрительные» запреты). Ряд действий адресован одновременно и живым и мертвым. К таким действиям относятся, например, закрывание глаз покойного, установление визуального контакта с умершими предками в поминальные дни.

Литература

- Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Агапкина 2012 — *Агапкина Т. А.* Смотреть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 75–81.
- Агапкина, Плотникова 1999 — *Агапкина Т. А., Плотникова А. А.* Деньги // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 56–60.
- Агапкина, Усачева 1995 — *Агапкина Т. А., Усачева В. В.* Боярышник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 242–244.
- Аникин 1998 — Русские заговоры и заклинания / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

- Афанасьева, Плотникова 1995 — *Афанасьева Н. Е., Плотникова А. А.* Гроб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 553–558.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Беновска-Събкова 1992 — *Беновска-Събкова М.* Змеят в български фолклор. София, 1992.
- Беновска-Събкова 1997 — *Беновска-Събкова М.* За една негативна магическа употреба на хляба // Хлябът в славянската култура. София, 1997.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Виноградова 2011 — *Виноградова Л. Н.* Светоносные ночные духи в мифологии западных и южных славян // Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. М., 2011. С. 40–44.
- Виноградова, Толстая 1999 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Дверь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 25–29.
- Галанова 2011 — *Галанова М.* Представи за окоето и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи // Етнографски проблеми на народната култура. Т. 8. София, 2011. С. 283–318.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в традиционной культуре славян. М., 1997.
- Гура 2004 — *Гура А. В.* Паук // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 646–648.
- Дабева 1934 — *Дабева М.* Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1934.
- Завойко 1917 — *Завойко Г. К.* В Костромских лесах по Велуге-реке // Этнографический сборник. Труды Костр. НО по изучению местного края. Кострома, 1917. Вып. VII. С. 3–41.
- Зечевић 1967 — *Зечевић С.* Самртни ритуал и неки облици култа мртвих у становништва влашког говорног језика Крајине и Кључа // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1967. Књ. 30. С. 47–78.
- Зечевић 1971 — *Зечевић С.* Народна веровања у Свињици // Зборник радова Етнографског института. 1971. Књ. 5. С. 89–99.
- Зечевић 1978 — *Зечевић С.* Самртни обичаји у околини Зајечара // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1978. Књ. 42. С. 383–398.
- Зечевић 1982 — *Зечевић С.* Култ мртвих код Срба. Београд, 1982.
- Кабакова 2012 — *Кабакова Г. И.* Слепота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 46–49.
- Капанци 1985 — Капанци: Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Левкиевская 1995 — *Левкиевская Е. Е.* Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 283–286.
- Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Лицо // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 124–128.

- Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Свет — тьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 565–567.
- Лобкова 2000 — *Лобкова Г.* Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.
- Марковић 2000 — *Марковић Р.* Српске народне клетве и заклетве. Београд, 2000.
- Милосављевић 1913 — *Милосављевић С. М.* Српски народни обичаји из среза Хомољског // Српски етнографски зборник. 1913. Књ. 19. С. 1–442.
- Николић-Стојанчевић 1974 — *Николић-Стојанчевић В.* Врањско Поморавље. Етнолошка испитивања. Београд, 1974 (Српски етнографски зборник. Књ. 86).
- Новичкова 1995 — *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
- Олонецкий сборник 1886 — Малиновский Л., учитель Петрозавод. духовного училища. Причитанья или заплачки по умершим // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 42–47.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).
- Плотникова 1999 — *Плотникова А. А.* Звезды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 290–294.
- Плотникова 2006 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // Исследования по славянской диалектологии. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. Вып. 12. М., 2006. С. 192–227.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Саван // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 526–527.
- Плотникова 2009а — *Плотникова А. А.* Полный — пустой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 145–147.
- Плотникова 2009б — *Плотникова А. А.* Покойницкие предметы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 124–127.
- Потушняк 1938 — *Потушняк Ф. М.* Душа в народнім повірју села Осій // Науковий зборник Товариства «Просвѣта». Ужгород, 1938. Роч. 13–14. С. 33–34.
- Ристески 1998 — *Ристески Љ.* Митските представи на светот на мртвите во традиционалната култура на Македонците // *Studia Mythologica Slavica*. 1998. № 1. S. 243–257.
- Седакова 1983 — *Седакова О. А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнографический сборник. М., 1983. С. 246–262.
- Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 52–95.

- Толстая 2000а — *Толстая С. М.* Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // *Славяноведение*. 2000. № 6. С. 14–20.
- Толстая 2004 — *Толстая С. М.* Оппозиции семантические // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 557–558.
- Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
- Толстая 2009 — *Толстая С. М.* Покойник // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 112–118.
- Толстая 2009а — *Толстая С. М.* Поминки // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 162–169.
- Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Смерть // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 58–71.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Глаза и зрение покойников // *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М., 1995. С. 185–205.
- Толстой 1995а — *Толстой Н. И.* Вино // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 373–374.
- Толстой 1995б — *Толстой Н. И.* Внутренний — внешний // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 385.
- Толстой 1995с — *Толстой Н. И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М., 1995. С. 27–40.
- Топорков 1991 — *Топорков А. Л.* Структура и функции сельского застольного этикета у славян // *Этнознаковые функции культуры*. М., 1991. С. 190–203.
- Усольские древности 2004 — *Подюков И. А., Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Усольские древности. Традиционная культура русских конца XIX — XX в. Усолье, 2004.
- Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- ФСРГП — *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2-х т.* / Сост. Н. А. Ставшина. Сыктывкар, 2008.
- Ясинская 2011 — *Ясинская М. В.* Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // *Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Л. Н. Виноградовой*. М., 2011. С. 109–120.
- Barthel de Weydenthal 1922 — *Barthel de Weydenthal M.* Uroczne oczy. Lwów, 1922.
- Federowski 1897 — *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897.
- Fischer 1921 — *Fischer A.* Zwyczaję pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
- Vukanović 1986 — *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. Т. 2.